

Д.Н.Мамин-Сибиряк. Избранные произведения для детей / Рисунки
Е.Мешкова. //Государственное Издательство Детской Литературы,
Москва, 1962
FB2: "Miledi ", 2008-03-01, version 1.0
UUID: ede78f5a-351e-102b-868d-bf71f888bf24
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

В горах
(Сказки и рассказы для детей)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0010
III.....	.0017

**Дмитрий Наркисович Мамин-
Сибиряк
В горах**

Это случилось лет тридцать назад, и из трех участников экспедиции остался в живых только один я. Да, их, моих товарищей, уже нет, родной край далеко-далеко, и я часто вызываю мысленно дорогие тени моего детства и мысленно блуждаю в их обществе по родным местам, освященным воспоминаниями первой дружбы.

Наша экспедиция была задумана еще зимой и носила научный географический характер. Дело в том, что необходимо было определить линию водораздела между Европой и Азией. Задача, без сомнения, очень серьезная, что мы отлично понимали, а поэтому и скрывали самым тщательным образом наше предприятие. В учебниках географии

ничего не говорилось об этом пункте, на картах его совсем не было, а показания современников расходились: дьячок Матвеич, страстный охотник, руководивший нами при первых опытах охоты, говорил одно, а туляк Емелька, тоже знаменитый охотник, друг и приятель Матвеича, говорил другое. Вопрос шел о том, стоит ли гора Билимбаиха в Европе или она уже в Азии, что можно было определить только по течению горных рек.

Не могу не вспомнить о старом деревянном доме, в котором протекло мое раннее детство и который замечателен был уже тем, что главным фасадом выходил в Европу, а противоположной стороной – в Азию. Из наших окон можно было видеть обе части света, и это обстоятельство, кажется, послужило к тому, что география была одной из самых любимых мной наук, и, в частности, привело к практическим занятиям этой наукой. Увы! Нет давно уже и старого деревянного дома, как нет знаменитых охотников – Матвеича и Емельки и многих других таких хороших стариков, среди которых мы росли, как мелкая молодая поросль в вековом лесу, защищенная

от бурь и непогод их отеческой покровительственной тенью. Подчас мы крепко их огорчали неукротимой пытливостью нашего духа, еще больше надоедали своими шалостями; и все-таки все любили друг друга, любили настолько хорошо и просто, что, заговорив об одном, как-то нельзя не сказать и об остальных, все равно как нельзя выкинуть кирпича из стены, не нарушив ее целостности.

Но я не сказал ничего о главном, то есть о своем друге Косте, с которым неразрывно связаны лучшие воспоминания моего детства.

Это был замечательный мальчик во всех отношениях, начиная с того, что Костя был неизменно весел, – я не могу припомнить ни одного случая, когда бы он рассердился и мы бы поссорились. Небольшого роста, кудрявый, с какими-то зеленоватыми глазами и вечной улыбкой на лице, Костя был общим любимцем. С двенадцати лет он уже служил на фабрике (действие происходит на одном из уральских горных заводов), и в будни мы могли видеться только по вечерам, и только праздники принадлежали нам всецело да лето, с Петрова дня по усенье, когда фабрика

не работала.

Наше знакомство состоялось в заводской школе, где преподавал учитель Миныч, добродушный человек, страдавший запоем, – мы его называли Мандритом, потому что Миныч не признавал просто Мадрида.

– Федор Миныч, какой главный город в Испании?

– Мандрит.

– А как же в географии Корнеля он называется Мадридом?

– Ваш Корнель ничего не понимает.

После школы нас с Костей сблизили общие игры, менявшиеся по сезонам: ранней весной – бабки, летом – шарик и рыбная ловля, осенью – грибы, зимой – салазки; а завершилась эта дружба охотой, под строгим руководством таких профессоров, как дьячок Матвейич и Емелька. Сначала мы отправлялись в лес только с ними, постепенно расширяя нашу охотничью область, а затем повели дело уже самостоятельно, усвоив все необходимые приемы охоты и, главное, освоившись с нелегкой наукой ходить целыми днями по горам и лесам и не заблудиться. Большим

неудобством было то, что ни у меня, ни у Кости не было других часов, кроме летнего солнца.

Итак, относительно горы Билимбаихи в географии Корнеля ничего не было сказано, а других пособий для разрешения этого вопроса у нас не было, кроме «генеральной» карты Российской империи.

– А мы сами откроем, – предлагал Костя. – По речкам и доберемся... Если влево речка бежит – значит, в Азии, если вправо – значит, в Европе.

Мне оставалось только согласиться с этим планом.

Как известно, всякая географическая экспедиция требует для своего выполнения большой подготовки и средств, так что зима, когда мы уговорились, промелькнула незаметно. Нужно было сделать необходимые запасы пороха и дрови, а главное – приспособить домашние костюмы, охотничьи сумы, дробовницы и разные лядунки.[1] Мое ружье-туляк стоило ровно два рубля, а у Кости была отцовская двустволка, составлявшая предмет его величайшей гордости. Говоря откровенно,

другого такого ружья я потом не встречал. Дело в том, что ложе у него было сделано в форме крокодила или какой-то фантастической ящерицы, и это ничтожное обстоятельство придавало ружью в наших детских глазах какой-то особенный, таинственный смысл. Да, нет больше таких ружей... Экспедиция была рассчитана на трое суток, а сообразно с этим должны были быть предусмотрены неистовые горные ливни, запас провизии и т. д. К лету все было закончено, то есть далеко раньше, когда еще начал таять в апреле снег. Зима на Урале стоит довольно суровая, и снег тает поздно, но зато весна бывает дружная, так что зима с замечательной быстротой превращается в лето.

Можно себе представить, с каким нетерпением мы ждали наступления Петрова дня, когда закрывалась фабрика и открывалась охота. Кстати, несколько слов об охоте. Как удовольствие – это вещь, без сомнения, жестокая, но для меня лично она всегда служила только предлогом для горных экскурсий. Что ни говорите, а без ружья вы далеко не пойдете, как бы ни любили природу; а затем, сами по себе охотники народ очень интересный: все охотники обладают развитым чувством природы, известной поэтической складкой и наблюдательностью.

За несколько дней до экспедиции Костя заявил мне:

- А нам придется захватить с собой Сашку.
- Это для чего?
- Да так. Мало ли что может случиться на охоте... Все-таки нас будет трое.

Костя отличался разумной предусмотрительностью, и мне в большинстве случаев приходилось только соглашаться с ним. Сашка был наш товарищ, немного постарше нас.

Это был добродушный малый, наивный и доверчивый, с припадками совершенно необъяснимого упрямства.

В цели нашей экспедиции мы его не посвятили, потому что он мог все разболтать, а затем, географии для него не существовало. Наше предложение уйти в горы на целых три дня он принял с восторгом.

Наступил и роковой день. По условию, все должны были собраться у меня ранним утром. Летом я обыкновенно спал в амбаре, на холодке, и подняться с нагретой постели на призывный стук в двери составляло уже целый подвиг. Солнце еще только поднималось над ближайшим лесом, когда мы выступили в поход, и в воздухе стоял ночной холод, заставлявший вздрагивать. Всем хотелось спать, и все зевали. Бодрее всех был Костя – неуголимый ходок и вообще человек с развитой волей. Он добросовестнейшим образом выполнял всякий намеченный план и не отступал ни перед какими препятствиями.

– Ты бы шел лучше домой спать, Сашка, – советовал он, чтобы подзадорить приятеля. – А утром чаю напьешься, закусишь... Ведь до

Билимбаихи считают верст восемь, да от Шайтанов до Старика-Камня столько же.

Сашка, привыкший к вышучиваньям Кости, угрюмо молчал. Он отличался сырой комплекцией и далекие походы выдерживал с трудом.

На Билимбаиху мы ходили на охоту еще с Матвеичем и заранее наметили там себе ночлег в глухом лесном балагане, а дальше должны были идти уже по собственным соображениям. До горы Билимбаихи было верст двенадцать, если идти прямо тропой, но мы удлиннили этот путь чуть не вдвое охотничьими поворотками. Стоило отойти верст пять, как уже начиналась охота по лесным опушкам. Солнце еще не обсушило росы, трава была выше пояса, и мы вымокли буквально по горло на первой поворотке. Идти мокрому страшно холодно, и всякая охота теряет смысл; но Костя был неумолим, хотя и страдал, вероятно, больше нас, потому что не отличался особенным здоровьем. Вдобавок, охота нам не удавалась. Видели и рябчиков, и тетеревиные выводки, но дичь пугала взятая Сашкой пестрая собачонка Лыско, типичная сибирская

лайка. До Билимбаихи мы проколесили лесом до полудня, страшно устали, а главное, томились смертной жаждой. С нами был походный медный чайник, и мы вперед мечтали о том, как будем пить чай на берегу безымённой речонки, с которой, собственно, начинался горный подъем на Билимбаиху в пять верст. Кстати, эта речонка должна была служить нам одним из доказательств того или другого положения Билимбаихи.

На берегу этой речки нас постигло страшное разочарование: эта географическая граница высохла... Лето стояло сухое, а в это время горные речки высыхают иногда совершенно. Как мы ни искали воды, – ее не было. Только охотники знают, что такое жажда. Сашка изнемог окончательно, растянулся на траве и заявил:

– А я дальше не пойду... Ну ее, Билимбаиху.

– Пойдешь, – уверенно говорил Костя. – Куда ты один-то пойдешь? Еще нападут бродяги и ружье отнимут. Без шапки придешь домой.

Мы отдохнули с час и двинулись дальше. Предстоял подъем в пять верст. Сашка как ни ворчал, а поплелся за нами. Подниматься в

гору, когда томит смертельная жажда, ужасно тяжело. Во рту сухо, в висках стучит кровь, ноги точно налиты свинцом. Костя бодро шел впереди, подавая пример выносливости настоящего путешественника. Все наши мысли теперь были сосредоточены около студеного ключика, который был на самой вершине горы. Мы кое-как дотащились до него, усталые, измученные, и, к своему ужасу, нашли только пустую яму под каменным выступом, засоренную прошлогодним сухим листом.

– Вот так штука!.. – ворчал Костя. – Этак и помереть можно...

На беду, с этого пункта горы открывался далекий широкий горный вид, так что можно было рассмотреть и наш завод, узкую полосу заводского пруда и блестящие нити трех горных речек, вливавшихся в него. С этой картиной сейчас связывалась гнетущая мысль о холодном квасе или чае со сливками... Сашка уже не роптал и не ругался, а безмолвно лежал на траве.

– Надо обойти шиханы – там должна быть вода, – решил Костя.

Было часа три – самый развал зноя. Сашка

остался у высохшего ключика, а мы с Костей отправились искать воду на шихан. Шиханами на Урале называют те скалы, которыми увенчаны горные вершины. У каждой большой горы есть свой шихан. От таких шиханов обыкновенно спускаются по бокам горы каменистые россыпи. Издали они кажутся полосками мостовой, а вблизи это какой-то порог из больших камней, так что приходится прыгать с камня на камень. Мы потратили целый час на розыски воды, которая скопляется обыкновенно в углублениях под скалами, как в цистернах; но все было напрасно. Воды не было...

Мы вернулись к ключику ни с чем и нашли Сашку в довольно странной позе: он всем туловищем забрался под камень, а наверху оставались одни ноги. Дело объяснилось. Сашка выгреб со дна ключика весь сор, выкопал в грязи яму и терпеливо ждал, как в ней накоплялась мутноватая жидкость. Потом он зачерпнул ее чайной ложкой и с жадностью выпил. Я последовал его примеру. Вода была ужасная, и грязь садилась прямо на язык; но географические открытия не даются

даром... Мы напились этой грязи и решили идти к балагану, до которого было с версту. Костя шел, по обыкновению, впереди. Балаган стоял в лесу из лиственниц, а около него был ключик; но мы, умудренные горьким опытом, мало рассчитывали на него. Можно себе представить наш восторг, когда Костя звонко крикнул:

– Братцы, вода!.. вода!..

Ключик был полон воды, студеной, светлой, как слеза, горной воды... Только испытав отчаянную жажду, в полной мере поймешь такую простую истину, что вода есть синоним[2] жизни.

Нужно рассказать, что такое балаган. Представьте себе широкую низкую избу, вросшую в землю, крытую дерном, без окон, с очагом из камней вместо печи, с земляным полом и в редких случаях с нарами. Строитель такого балагана остается неизвестным. Днем такой балаган освещается через открытую дверь, а ночью – при помощи огня на очаге. Зимой он, конечно, защищает от холода, а летом – от дождя, комаров и лесной мошкары. В таком балагане страшно сыро, и все стены обрастают мокрой белой губкой. Сырое дерево неустанно точат какие-то жуки, черви и муравьи, так что можно видеть своими глазами, как идет самая разрушительная работа. Но самое главное неудобство такого балагана заключается в том, что у очага нет трубы и во время топки весь балаган наполнен дымом. Ни стоять, ни сидеть нет возможности, а можно только лежать. Задыхаясь от дыма в таком балагане, понимаешь, какое величайшее изобретение – самая простая дымовая труба, не говоря уже об окнах.

Напившись настоящей воды, мы сразу оживились. Перед балаганом скоро загорелся веселый огонек, а над ним закипел походный чайник. Настроение сразу изменилось. Костя все поддразнивал Сашку, хотевшего с полдороги вернуться домой.

– А ежели я пошутил? – оправдывался он добродушно.

– Сказывай... Просто ты – трус. Небось побоялся один домой идти.

– Нисколько... Чего мне бояться?

– Бродяги с тебя поснимали бы все да еще шею накостиляли бы...

– Ну, это еще старуха надвое сказала. Как бы я еще не накостилял... Мы на этот счет простоваты.

– Не хвастай. Еще подавишься...

Мы напились чаю, потом сварили в том же чайнике похлебку из убитого Костей рябчика и вообще блаженствовали. Жар свалил, и начиналась лучшая часть горного дня. Отдохнув, мы отправились опять на шихан, с которого открывался чудный вид на десятки верст. Вообще время провели очень недурно и вернулись к балагану только в сумерки, ко-

гда начала падать роса. Горные ночи холодные, и мы решили спать в балагане. Постель была устроена из горного иван-чая, который достигает высоты человеческого роста.

Наступила чудная горная ночь; но спать никому не хотелось, и мы долго просидели около огонька перед балаганом. А кругом стояла торжественная тишина.

– Сашка, а тебе не сходить за водой к ключику, – дразнил Костя.

До ключика было всего сажен двенадцать, но в лесу было уже совершенно темно, и воображение населяло его призраками. Сашка клялся, что может уйти сейчас один домой, а не то что к ключику. Это было сигналом для самых страшных рассказов.

– Вот так же одна девушка пошла за ягодами, – рассказывал Костя, – отбилась от партии, да и осталась в лесу ночью одна... Дома ее хватились, давай искать – целых два дня искали, а на третий – видят, что сидит она на сосне и не откликается. Уцепилась за дерево и сидит... Целых два года была без ума, а уже потом рассказала, как ее леший пугал. Как заухает, как закричит по-ребячьи, как захохо-

чет...

Эти разговоры взвинтили воображение, и мы невольно вздрагивали от каждого шороха в лесу. Меня всегда занимал вопрос об этих таинственных ночных звуках в лесу, которые на непривычного человека нагоняют панику. Откуда они, и почему они не походят ни на один дневной звук? Скрипит ли старое дерево, треснет ли сухой сучок под осторожной лапой крадущегося зверя, шарахнет ли сонная птица, – ничего не разберешь, а всего охватывает жуткое чувство страха, и мурашки бегут по спине.

И вот как закончился для нас этот тревожный день.

Мы еще раз напились перед сном чаю, запасли хвороста и сухих сучьев для топки очага и отправились в балаган. Лежа на своей зеленой постели и задыхаясь от дыма, мы продолжали вести страшные рассказы. Каждый припоминал что-нибудь подходящее: «А вот с моим дядей был случай...» Но догорел огонь на очаге, понемногу вытянулся в дыру, сделанную в крыше вместо трубы, дым, и мы начали засыпать. Вдруг спавшая у наших ног со-

бака глухо заворчала. Мы поднялись все разом.

– Бродяги... – шептал Сашка, прячась за нас.

Ворчанье повторилось. Мы все превратились в слух. Слышно было, как что-то хрустнуло недалеко от балагана. Очевидно, кто-то подкрадывался.

– Берите ружья! – тихо скомандовал Костя.

В темноте ничего нельзя было разобрать, и мы не смели шевельнуться. Но потом уж мы достали ружья, и было слышно, как щелкнули поднимаемые курки. Мы решились дорого продать свою жизнь и сидели молча, сдерживая дыхание.

Собака принималась ворчать несколько раз, но Костя зажимал ей пасть. Бродяги встречаются в горах довольно часто и по глухим местам пошаливают. Я сейчас же представил себе двух пойманных бродяг, которых видел в волости. Особенно один остался в памяти, – лицо такое зверское, смотрит исподлобья. Встретиться ночью в лесу с таким бродягой не особенно приятно. Прибавьте к этому, что старшему из нас было всего пятна-

дцать лет.

Странное это чувство – страх. Сердце так и захолонет, в коленях неприятная дрожь, в горле пересыхает, руки трясутся, а главное, нет никакой логики, и мысли разлетаются, как стая испуганных птиц. Едва ли есть человек, который не испытывал страха, хотя это не мешает существовать замечательным храбрецам. Секрет всякой храбрости именно в умение владеть собой.

Да, мы трусили, трусили самым отчаянным образом, до полной паники, и просидели с взведенными курками до белого света. Хорошо, что летом светает рано.

В два часа в дымовом отверстии показалась первая полоска занимавшегося света. Вместе со светом прошел и наш страх. Мы решили выйти из балагана и расследовать дело. Предварительно была выпущена собака, которая сейчас же с оглушительным лаем пропала в траве. Она повела нас прямо к ключику. Дело сейчас же разъяснилось. У самого ключика вся трава была смята, – приходили на водопой олени.

– Ах, Сашка, Сашка! – хохотал Костя. – К те-

бе приходило прямо в рот жаркое, а ты труса спраздновал...

Через два дня мы вернулись домой. Вопрос о Билимбаихе остался открытым до первого дождя, когда безыменная речка под горой наполнится водой. О своем детском страхе мы, конечно, не рассказывали никому, хотя и не уговаривались предварительно. Что же, дело прошлое – теперь можно и рассказать...

Примечания

Лядунка – сумка на перевязи через плечо для пистолетных или револьверных патронов. (Примеч. автора.).

[^^^]

Синонимы – слова, разные по звуковой форме, но равные или очень близкие по значению (например: «око» и «глаз», «храбрый» и «отважный», «путь» и «дорога»). (Примеч. автора.).

[^^^]